

(Александр Раевский в судьбе Пушкина и роман "Евгений Онегин") // Лакшин В.И. Биография книги: Статьи, исследования, эссе. М., 1979. С. 215-219.

- 29 См. об этом: Гуревич А.М. "Евгений Онегин": авторская позиция и художественный метод // Изв. АН СССР. Отделение лит. и яз. 1987. № 1. С. 17.
- 30 См.: Ветловская В.Е. "Иных уж нет, а те далече" // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. ХП. С. 122.
- 31 О моментах общности в образах Онегина и Дон-Жуана см.: Ахматова Л.А. Указ. соч. С. 184, 191.
- 32 Там же. С. 92.
- 33 Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький, 1985. С. 146.
- 34 Максимов Д.Е. О романе-поэме Андрея Белого "Петербург": (К вопросу о катарсисе) // Максимов Д.Е. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 341.

Ю.М.Никишов

(Калнинский госуниверситет)

О ФИНАЛЕ "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА"

Но только своим содержанием, но даже и творческой историей "Евгений Онегин" - феноменальное явление: обширное повествование было начато без определенного предварительного плана, на каком-то удивительном доверии к самой жизни, способной скорректировать замысел¹. В начале 1825 г., когда шла работа над четвертой главой и роман еще был далек от завершения, поэт приступил к печатанию произведения отдельными главами, что предreshало невозможность последующей существенной доработки опубликованного текста. Однако исключительно развитое в Пушкине внутреннее чувство гармонии выступало гарантией, что и постепенная кристаллизация и уточнение замысла приведут к соразмерности частей в рамках целого. Пушкин дописывал четвертую главу, когда трагически завершилось восстание декабристов.

Интересно поставить вопрос: когда же все-таки в воображении поэта в не ясно различаемой вначале дали свободного романа впервые, хотя бы и смутно, замаячил тот самый "берег", с которым в конце концов Пушкин поздравит и себя, и читателя? Как тогда этот "берег" выглядел?

Отдадим должное такому факту. Тригорский и тверской знакомый Пушкина Алексей Вульф 16 сентября 1827 г. делает в

дневнике запись о том, как он накануне, 15 сентября, был на обеде у Пушкина в Михайловском. После обеда играли на бильярде. Вульф записывает бесценное суждение Пушкина: "Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14 декабря"².

Разумеется, думы Пушкина о возможности писать о 14 декабря не ограничиваются творческими планами "Евгения Онегина"³, но не приходится сомневаться, что поэт не упустил бы случая использовать декабристский сюжет в историческом романе о современности. В свете записи Вульфа можно уверенно утверждать, что осенью 1827 г. у Пушкина был замысел "Онегина" с включением в сюжет романа декабристских событий.

Эта гипотеза подтверждается косвенным отголоском, исходящим от самого Пушкина. 23 марта 1828 г. вышла из печати шестая глава "Онегина" с послетекстовой пометой: "Конец первой части"⁴. Высказывалось обоснованное предположение, что в силу характерной для Пушкина композиционной стройности вторая часть романа равнялась бы по объему первой, следовательно, было намерение завершить роман двенадцатой главой⁵.

Декабристский характер содержания именно этого варианта построения романа подтверждается известными воспоминаниями М.В.Юзефовича, восходящими к беседам Пушкина летом 1829 г. По этим сведениям, Онегин попал в стан декабристов или (логичнее не "или", а вследствие чего, ссыльным) погибал на Кавказе.

Пушкиноведа достаточно единодушно считают, что с Юзефовичем Пушкин делился уже оставленным замыслом. О причине, вынудившей поэта отказаться от данного варианта, можно судить вполне определенно: это допрос в правительствующем сенате по поводу хождения по рукам списков не пропущенного цензурой отрывка из элегии "Андрей Шенье", озаглавленного "На 14-е декабря", и обязательство подпискою не выпускать в публику "никаких своих творений, без рассмотрения и пропуска цензуры"⁶. Как видим, на вопрос о возможности писать о 14 декабря ответ со стороны властей был дан более чем красноречивый.

Итак, осенью 1827 – в начале 1828 г. в сознании Пушкина существовал замысел второй части романа, связанный с декабристской судьбой заглавного героя; к концу лета 1828 г. становится ясной нереальность такого варианта из-за цензурных

препятствий; к лету 1829 г. этот вариант (план-максимум) окончательно отвергнут и сохраняется лишь как воспоминание поэта.

Подчеркнем: отказ от декабристского сюжета отнюдь не означает отказа от декабристской темы в романе; возможность реализации темы Пушкин продолжает обдумывать.

К концу 20-х гг. в творческой истории "Онегина" наступает особо сложное положение. Если поначалу сюжет складывался легко и к очередной главе поэт приступал по завершении предыдущей, если, начав печатание романа, поэт имел существенный творческий "задел", то приходит момент, когда и задел иссякает, и продолжение романа упирается в творческие затруднения. Симптом обозначился в 1828 г. В марте, как уже отмечалось, была опубликована шестая глава; редакционный "онегинский" портфель впервые оказался пуст; впрочем, ненадолго: беловая рукопись седьмой главы создана в ноябре.

Прошел почти год, когда 2 октября 1829 г. были завершены первые пять строф первоначальной восьмой главы. И – первый сбой: не завершив главы, 24 декабря Пушкин начинает работу над главой девятой. Параллельно над двумя главами работа до сих пор не велась (другой вопрос, что еще в 1825 г. вне контекста романа были написаны "одесские" строфы и долго искали своего места в романе, наконец, обретя его в составе "Страстивня"). А когда в марте 1830 г. вышла в свет глава седьмая, "онегинский" портфель вновь опустел.

Наступила знаменитая болдинская осень. Считается, что 18 сентября 1830 г. Пушкин завершил восьмую главу. Через неделю, 25 сентября, он дописал последние строфы главы девятой и на следующий день составил оглавление романа в составе трех частей и девяти глав. Поэт счел работу над своим любимым детищем законченной, посвятив этому событию стихотворение "Труд": "Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний"⁷.

Однако довести роман до последней, как казалось, точки в рукописи еще не означало завершить роман. Раздумья о судьбе финала, не исключавшие колебаний и сомнений, продолжали тревожить Пушкина. В проекте предисловия к последним главам (28 ноября 1830 г.) он отметил: "Вот еще две главы "Евгения Онегина" – последние, по крайней мере для печати..." (У, 459). Получается, что роман самим поэтом воспринимается не вполне законченным: не исключалось его продолжение.

В наброске предисловия немало и других неожиданностей. Пушкин пишет: "Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны" (У, 459). Прежде всего, тут уже просматривается своеобразный конспект предисловия, которое будет предпослано отдельному изданию последней восьмой главы и с добавлением — "Отрывкам из путешествия Онегина" в полном издании романа. Иначе говоря, высказывается воистину пророческая мысль, предвосхитившая реальную судьбу финала. И, может быть, потому она пророк скал, что уже содержит решение, пусть пока неокончательное.

Обращает на себя внимание главный аргумент за сохранение "осьмой главы": "многие отрывки из оной были уже напечатаны". В предисловии к "Отрывкам из путешествия" мысль будет выражена мягче, точнее: "Некоторые отрывки были напечатаны..." (У, 171). Фактически же до Болдина был напечатан лишь один отрывок (никак не многие!), строфы об Одессе, причем с пометой, что это отрывок из седьмой главы; таким образом, восьмая глава не анонсировалась. Указание "многие" давалось разве что впрок: через месяц будет опубликован второй, но и последний отрывок. Напечатанным поэт дорожил; оба отрывка в самом деле носят принципиальный характер (вводя их в роман, Пушкин "присовокупляет" к ним еще несколько строф, дающих ясное представление о состоянии героя периода его путешествия).

Ю.М.Лотман, основываясь на изучении рукописей и рассмотрении "самих сохранившихся строф", усомнился в наличии завершённого текста восьмой главы ("Путешествия"). Исследователь полагает: "Видимо, у Пушкина был какой-то обширный, но вряд ли завершённый окончательно текст главы, когда он отказался от мысли о ее полном включении и прекратил работу над ней"⁸. В пользу такого соображения можно добавить ряд аргументов. Прежде всего, это вызывающая удивление легкая готовность Пушкина "осьмую главу...вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою", выраженная уже в ноябре 1830 г. Во-вторых, никто из современников Пушкина восьмой главы в полном виде не читал или в чтении поэта не слышал. Катенин, которому мы обязаны сообщением о факте посещения Онегиным аракчеевских военных поселений, сам соответствующих строф не читал: он лишь "слышал...от покойного в 1832-м году" пересказ эпизода, информацию о его содержании, не более того. Вполне допустимо, что и Катенину (как Юзефовичу) Пушкин говорил не о фак-

те, а о намерении, т.е. о нереализованном и уже оставленном замысле. А.И.Тургенев в письме к брату Николаю от 11 августа 1832 г. ссылается на поэтический текст, но оговаривается, что поэт читал ему "только отрывки".

Всего этого так много, что гипотеза о незавершенном характере восьмой главы приобрела бы очертания факта, однако есть и противоречащие ей детали. Во-первых, это упоминавшееся оглавление романа в составе девяти глав. На том же листе Пушкин обозначил даты начала и завершения работы, счит нужным порассчитать, что писал "Онегина" 7 лет, 4 месяца, 17 дней. Скрупулезность подсчета делает нереальным предположение, что включенное в оглавление "Странствие" оставалось в незавершенном виде. Во-вторых, в творческом отчете Плетневу (9 декабря 1830 г.) поэт сообщает: "Вот что я привез сюда: 2 последние (подчеркнуто здесь и далее авторами. – Ю.Н.) главы "Онегина", 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать" (X, 252). Именованная незавершенную главу готовой в печать означало мистифицировать верного друга, столь талантливо осуществившего издание романа; у Пушкина к тому не было никаких оснований. О привезении в порядок восьмой и девятой глав "Онегина" Пушкин, по возвращении из Болдина, говорил и Вяземскому. В-третьих, в предисловии к "Отрывкам из путевого дневника Онегина" Пушкин приводит фрагмент одной из заключительных строф, которой пришлось пожертвовать; здесь констатируется: "Я девять песен написал", "Хвала вам, девяти камням".

Как видим, аргументы "за" и "против" существования полного текста "Странствия" в сущности равнозначны; разрешить эту сложную проблему невозможно. Остается констатировать, что в Болдине Пушкин достиг желанного берега, но в то же время судьба финала романа оставалась неясной. Уже в Болдине начались колебания в возможности и необходимости публикации "Странствия".

Одна неясность взаимосвязана с другой, судьба восьмой главы – с судьбой главы десятой. Вяземский в дневниковой записи отметил, что Пушкин девятой главой роман "кончает", но "из десятой, предполагаемой, читал... строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника" (У, 504). Явное противоречие записи снимается лишь предположением, что Пушкин девятой главой "кончает" роман для публики, а десятую предполагает написать (уже начал писать) "не для печати".

Однако такой поворот творческой истории романа (предвосхи-

щенный еще наброском предисловия от 28 ноября 1830 г.) оставляет открытым вопрос, писалась ли десятая глава заново, или поэт воспользовался для нее готовыми фрагментами. Отсутствие полной рукописи восьмой главы ("Странствие"), огорчительное само по себе, не дает возможности установить генетические связи между восьмой и десятой главами. Сомневаться в наличии таких связей не приходится: фрагмент рукописи "Странствия" сохранил пометку "в X песнь". Сам по себе перенос ранее написанных строк в последующую главу в творческой истории "Онегина" — явление обычное, а не исключительное. Вопрос состоит в том, сколь значительны изъятия из "Странствия" для десятой главы.

Надо полагать, эти изъятия были значительными. Судя по упоминавшемуся письму А.И.Тургенева, глава "Странствие" вбирала материал, ныне печатаемый под названием десятой главы: "Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 г. и упоминает, между прочим, и о тебе" (У, 504). Наиболее решительную гипотезу о заключительной стадии работы Пушкина над финалом романа выдвинул Н.М.Дьяконов⁹: десятой главы как таковой не существовало, материалом для нее послужила цензурная политическая часть главы восьмой. Несмотря на то, что гипотеза ставилась под сомнение¹⁰, она представляется весьма резонной.

Дело в том, что все имеющиеся сведения о восьмой и десятой главах перекрывают друг друга. Сообщение Вяземского — по широте материала — не выходит за пределы сохранившейся пушкинской криптограммы (другой вопрос, что мы располагаем только фрагментами строк, а Вяземскому довелось выслушать их в полном виде). Сообщение Тургенева отчетливо связывает материал криптограммы с путешествием Онегина. При этом выражение "возмущение 1825 г." совершенно не обязательно понимать как сюжетное повествование о событиях 14 декабря; оно вполне может быть отнесено к той авторской хронике, которую и цитирует мемуарист, тем более что рассуждение о царствовании "плешивого шеголя" хронологически вполне увязывается с временем путешествия Онегина.

Независимо от того, писалась ли десятая глава специально или представляла собой заготовки на основе фрагментов "Странствия", работа, как видно, далеко не пошла, была остановлена вначале.

Необходимо осмыслить собранные факты, тем более, что мы выходим на острейший парадокс романа.

Первые упоминания Пушкина о работе над новым произведением, особенно интенсивные в 1823–1824 гг., буквально пестрят замечаниями, складывающимися в прямое убеждение, что "Онегина" в печать цензура не пропустит. Вопреки этим опасениям публикация семи глав романа никаких препятствий не встретила. Получается, что поэт оказался осторожнее самой цензуры.

На этом фоне особенно красноречив факт, что все варианты окончания романа объективно не для цензуры: разница только в степени политической остроты, но не в существе. Включение Онегина в чисто декабристов (вариант по воспоминаниям Юзефовича) означало бы непосредственное изображение стана декабристов – задача цензурно не разрешимая. Не цензурен вариант с десятой главой со строками про плешивого шеголя и царевильственный книжкал. Мотивировка изъятия ряда строф первоначальной восьмой главы, по свидетельству Катенина, – "замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования" (У, 486), иначе говоря, именно цензурные соображения.

Разумеется, и на этом этапе работы Пушкин сохраняет осторожность. Некоторые варианты финала отклонялись на стадии замысла, не реализуясь на бумаге и существуя только в сознании поэта; они отвергнуты "автоцензурой". Но часть политически острых рассуждений воплотилась в поэтическом слове (хотя бы осколки одного фрагмента, сохраненные в криптограмме, дошли до нас). Пушкин понимал нецензурный характер подобных материалов – и тем не менее создал их. Почему же в пору завершения романа, в обстановке реакции, он так несдержан – не тактически, разумеется, поскольку острые варианты поэт в цензуру не представлял, но хотя бы поэтически, творчески?

Ответ надо искать в самом содержании финала романа: все его варианты носят декабристский характер, разница опять-таки только в степени развернутости и прямоты реализации темы. Вне того или иного освещения декабристской ситуации Пушкин концовки романа не представлял, поэтому он так настойчив, непримирим, попросту неосторожен.

И, пожалуй, самое главное: с неизбежным ущербом, но поэт сохранил в печатном тексте все, без чего считал невозможным обойтись. Теперь ту тяжесть, которую несла острая в политическом отношении первоначальная восьмая глава, приняла на себя, пусть в ослабленном виде, итоговая восьмая глава.

Если сюжетно "Евгений Онегин" разворачивается как драматическая история любви героев, то содержательно он разворачивается как роман идей. В идейном отношении не герой, хотя бы и заглавный, но автор завершает роман и завершает его не в каком-либо ином, но именно в декабристском духе.

В восьмой главе через посредство авторских рассуждений раскрывается вся история отношений Пушкина с декабристами¹¹. Особо следует выделить строфу Ш: здесь Пушкин печатно сказал и о своем единомыслии с декабристами ("С толною чувства разделяя"), и о широкой популярности своей вольнолюбивой музы ("И молодежь минувших дней За нею буйно волочилась"), и о чувстве полного удовлетворения тем, что в стихах воплотил переловые устремления своего времени ("А я гордился меж друзей Подругой ветреной моей").

Продолжение автопортрета в строфе 1У весьма знаменательно: "Но я отстал от их союза И вдаль бежал..." Пушкин восстанавливает действительно пережитое им состояние добровольного бегства, а не насильственной ссылки ("Иогасло дневное светило", "К Овидию"), он мужественно напоминает о периоде кризиса, о тактических разногласиях с декабристами; поэт и в данном случае "строк печальных" не сменяет.

Мужественная и честная строка строфы 1У не зачеркивает пафос строфы Ш; она воссоздает реальный факт биографии, не более. Ибо есть и третье звено - в концовке романа. Здесь в серию прощаний включено напоминание о пострадавших декабристах ("Иных уж нет, а те далече"). Декабристское содержание этого прозрачного намека не вызывает сомнений¹². В напоминании о декабристах не было бы надобности, если бы близость поэта с ними оставалась только в прошлом, но Пушкин помнит о них и на рубеже 30-х гг.

Политический характер подчеркнутых фрагментов отмечается (к сожалению, чаще порознь) многими исследователями, декабристский их смысл также воспринимается вполне очевидным. Но очевидное почему-то не вызывает удивления! А между тем почему этим не восхититься? Ведь в дореволюционном пушкиноведении ходила устойчивая легенда, что Пушкин, по легкомыслию молодости заплатив дань вольнодумству, в зрелые годы образумился и помирился с царем-батюшкой. Финал "Онегина", создаваемый на рубеже 30-х гг., камня на камне не оставляет от этой легенды! (Кстати, в борьбе с этой легендой советское пушкиноведение, обращаясь к "Евгению Онегину", преимущественно

анеллирует к рукописным вариантам романа и просто к намерениям поэта, а не к реальному тексту завершённого произведения).

Многовариантность финала "Евгения Онегина" может получить, по-видимому, самое простое объяснение: судьбу финала романа необходимо связывать с оценкой Пушкиным политической ситуации. Ситуация была сложной, что и предопределяло колебания поэта.

Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что Пушкин предназначал свой роман для печати и автоцензура отвергла некоторые варианты уже на стадии замысла. Но часть текста была создана просто потому, что это и так хотелось сказать; отбор, что можно и чего нельзя было напечатать, производился позже, с учетом новой конъюнктуры.

Не исключен вариант, что запретный характер декабристской темы Пушкин воспринимал временным. Он рассчитывал на смягчение политического климата, на амнистию декабристам: прощение каторжников с началом бы и снятие запрета с декабристской темы (когда весьма запоздало, уже в следующем царствовании, все-таки была объявлена амнистия, декабристская тема, пусть в определенной степени, фактически стала легальной литературной темой: сошлемся на поэмы Некрасова "Дедушка" и "Русские женщины" и на нереализованный, трансформировавшийся в "Войну и мир" замысел романа Льва Толстого "Декабристы"). Другой вопрос, что Пушкин, до срока рискуя пойти на создание расквашенного варианта финала романа, без оглядки на цензуру, действовал во всю мощь своего поэтического темперамента. Уцелевшие фрагменты до сих пор поражают своей дерзостью, эпиграммной язвительностью. Как-то даже невероятно себе представить, чтобы такие строки воспринимались предназначенными для печати. Однако мы имеем дело с рукописными вариантами романа. Трудно сказать, какую бы форму принял роман, если бы автор получил полную свободу печатать "Онегина".

Надежды Пушкина на амнистию декабристам очень упорны. Еще в пору следствия, в начале февраля 1826 г., Пушкин пишет Дельвигу: "С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружение заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя" (X, 155). Царь не проявил великодушия, приговор оказался суров. Поэт мужественно пытается отделить непоправимое от поправимого. Пушкин - Вяземскому (14 августа 1826 г.): "Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешен-

ные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна" (X, 163-164). Не сбывась и надежда на коронацию. В декабре 1826 г. "Стансами" Пушкин решает преподать совет быть милосердным непосредственно царю. Практически в то же время создается послание "В Сибирь" со знаменитой оценкой:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье (III, 7).

Сегодня мы воспринимаем эти строки в свете исторической перспективы. Однако отнюдь не исключается, что в момент написания они предполагали вполне конкретный смысл: если лучшие люди России страшной ценой, кровью и страданиями, но все-таки доказали царю необходимость существенных государственных преобразований, а царь своей монаршей волей эти преобразования осуществит (обещал осуществить!), значит, жертвы не напрасны, "скорбный труд" не пропадет, Залогом возможного освобождения ссыльных в глазах Пушкина было его собственное освобождение, о чем вполне определенно сказано в стихотворении "Друзьям" (1828).

Знаменателен фрагмент строфы УП так называемой десятой главы (в данном случае не так важно, когда именно она была написана);

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось, по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь...

Здесь необходимо обратить внимание на то, что акт милосердия воспринимается как предстоящий. Следовательно, надо было исходить из мысли, что роман получит особую царскую привилегию увидеть свет до амнистии и своим утверждением исторической законности дела декабристов станет аргументом за ее осуществление. В свете стихотворения "Друзьям" такая надежда на особую привилегию не кажется невероятной. Но в то же время нельзя не видеть, что строки об амнистии включены в явно иронический текст: Пушкин горько усмехается над мечтами, основанными только на русском "авось". И мечта об амнистии тоже зыбкая, тоже уповает на авось, хотя от этого не перестает быть крайне желанной в своем содержании.

Желаемое и действительное не совпадало, контрастировало. Из этого противоречия неизбежно вытекают колебания в оценке ситуации. 5 ноября 1830 г. поэт, узнав о приезде царя в холерную Москву, пишет Вяземскому: "Каков государь? молодец!

того и гляди, что наших каторжников простит – дай бог ему здоровье” (X, 246). 28 ноября в проекте предисловия к последним главам Пушкин считается с вероятностью дать окончание романа не для печати.

Судьба каторжников – важное, но не единственное слагаемое в оценке политической ситуации 1830–1831 гг., когда Пушкин заканчивал роман и готовил к изданию восьмую главу, – это период холерных бунтов и польского восстания. В эти же годы происходила корректировка личных отношений Пушкинина с царем.

Отношения поэта с царем в 1830–1831 гг. не поддаются однозначной оценке. В декабре 1830 г. увидет свет “Борис Годунов”, трагедия, которая в 1826 г. удостоилась оскорбительной для поэта собственноручной царской резолюции, о чем поэт известил Бенкендорф: “Я считаю, что цель г.Пушкина была бы выполнена, если б с нужными очищением переделал Комедию свою в историческую повесть или роман на подобие Валтера Скота”¹³. А 9 января 1831 г. Бенкендорф пишет поэту: “Его Величество Государя Императора поручить мне изволит уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с особым удовольствием”¹⁴. Разница, как видим, резкая. Естественно, она не могла пройти мимо внимания поэта. 18 января Пушкин благодарит царя и Бенкендорфа за “благосклонный отзыв”. Можно делать скидки на жанр официальной вежливости и тем не менее отметить, что Пушкин смотрит не столько назад, сколько вперед – обязательные комплименты перерастают в “урок царям”: “... “Борис Годунов” обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание” (X, 260). Подобные мысли Пушкин повторил в официальном же по тону письме к Е.М.Хитрово около 9 февраля.

Из письма к Плетневу от 24 февраля: “Из газет узнал я новое назначение Гнедича. Оно делает честь государю, которого искренне люблю и за которого всегда радуюсь, когда поступает он умно и по-царски” (X, 265).

Летом 1831 г. Пушкин с молодой женой поселился в Царском Селе. Пожалуй, это период максимально лояльных отношений поэта со двором. 21 июля Пушкин пишет Нашокину: “Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди понаду во временщики...” (X, 285). На следующий день по секрету сооб-

шает Плетневу: "... Царь взял меня в службу – но не в канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?" (X, 286). Пушкин еще явно благодушен и не подозревает, какими чрезвычайными осложнениями обернется его пребывание на царской службе.

Но вот факты другого рода. Пушкин 24 марта 1830 г. в сердцах пишет Бенкендорфу (подлинник по-французски): "... Благодарите хоть на минуту войти в мое положение и оценить, насколько оно тягостно. Оно до такой степени неустойчиво, что я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которого не могу ни предвидеть, ни избежать" (X, 633). В ответных письмах от 3 и 28 апреля успокаивающие слова шефа жандармов оборачиваются прямой угрозой (подлинник по-французски): "Что же касается Вашего личного положения, в которое Вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил много раз; я нахожу, что оно всецело соответствует Вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного и сомнительного, если только Вы сами не сделаете его таким"¹⁵.

Очень характерно сетование Пушкина в письме к А.Н.Гончарову 9 сентября 1830 г.: "Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь наша тучка..." (X, 239). 11 декабря Пушкин выражает недоумение в письме к Е.М.Хитрову (подлинник по-французски): "... Признаюсь, меня очень удивило запрещение "Литературной газеты" (X, 651). Даже в шутке поэт полн горечи, он пишет Плетневу 7 января 1831 г.: "... Писем от тебя все нет. Уж не запретил ли тебе генерал-губернатор иметь со мною переписку? чего доброго!" (X, 258).

Пушкинские суждения о переживаемом времени весьма экспрессивны. "Какой год! Какие события!" (X, 650) – это восклицание в письме к Хитрову 9 декабря 1830 г. (подлинник по-французски). То же встречаем и в письмах 1831 г.: "Тяжелые времена, Павел Воинович!" (X, 277. Нащокину, 26 июня); "Времена стоят печальные" (X, 658. П.А.Осиповой, 29 июня. Подлинник по-французски); "Тяжелое время, тяжелый год" (X, 284. Плетневу, около 16 июля); "Экие времена!" (X, 295. Вяземскому, 3 сентября). Однако не приходится удивляться, что самые мрачные настроения не могут поколебать пушкинского оптимизма. В упомянутом письме к Хитрову 9 декабря 1830 г.

читаем: "1830-й год – печальный год для нас! Будем надеяться – всегда хорошо питать надежду" (X, 651).

Таковы обстоятельства, в которых Пушкину приходилось принимать окончательное решение о судьбе финала. Обстановка воспринимается поэтом неустойчивой, подобной "вешней погоде". Нужно сказать прямо: надежда поэта на освобождение царем каторжников никогда не переходила в уверенность, что это непременно осуществится, и все-таки, не переходя в уверенность, надежда жила в душе поэта. Но Пушкин никогда не был рабом иллюзий. Не в последнюю очередь именно этим обстоятельством объясняется и многовариантность финала романа. В сложной борьбе надежд разочарований, иллюзий и скептицизма побеждает непреклонность Пушкина, реализм его мышления.

Судя по решительности и энергичности действий Пушкина, мы можем заключить, что окончательное и твердое решение он принял летом 1831 г. Он совершенно талантливо проводит в жизнь свое решение: достигает успеха на главном направлении, демонстрируя ложные вспомогательные ходы. Он владеет инициативой, имея в поле зрения несколько вариантов.

Пушкин вполне ясно понял, что декабристские строфы крамольны, нецезурны. Поэт рискнул нарушить царскую волю и проводит последнюю главу "Онегина" в печах в обход царской цензуры. Действует он осмотрительно и делает пробный шаг: публикует в обход личной цензуры царя "Повести Белкина".

Об этом мы узнаем из писем поэта к издателю Плетневу. В письме, датированном не позднее 11 июля 1831 г., Пушкин сообщал: "На днях отправил я тебе через Эслинга повести покойного Белкина, моего приятеля. Получил ли ты их?.. Отдай их в цензуру земскую, не удельную, – да и снюхаемся с Смирдиным..." (X, 283). Письмо до Плетнева не дошло; сетуя на это, поэт 22 июля меняет планы; относительно "Повестей Белкина" он пишет: "... Прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеку" (X, 286). Однако не только часть писем, но и рукопись в тот раз не дошла до издателя (из-за эпидемии холеры Плетнев затворнически жил не в городе, а на даче). 3 августа Пушкин извещает Плетнева: "Сказки мои возвратились ко мне, не достигнув тебя" (X, 291). У автора рукопись находилась менее двух недель; не позднее 15 августа поэт распорядился окончательно: "Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив. П. Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию" (X, 292). Обратим внимание: если по тем или иным обстоя-

тельствам Пушкин колебался в выборе срока публикации "Повестей Белкина", то совершенно твердо, неизменно он принял решение провести их через "цензуру земскую, не удельную" (11 июля), "простую" (около 15 августа).

Вероятнее всего, после того как было принято решение идти в обход личной цензуры царя, поздним летом или ранней осенью 1831 г. была создана особая экспериментальная рукопись под названием десятой главы и представлена на прочтение царю. Здесь можно с доверием отнестись к установленному / И.Гербстманом факту, что А.О.Россет выступила в этом деле посредницей.

А.И.Гербстман делает два предположения о причинах, побудивших поэта представить какую-то неофициальную онегинскую рукопись царю: инициатива могла принадлежать и самому поэту в силу его характера, "решительного и глубоко принципиального", и Николаю, до которого могли "дойти слухи и о декабристском замысле "Онегина", и о декабристской главе романа". Второе предположение представляется маловероятным (Пушкин не избежал бы кары), первое – возможно: поэт мог рассчитывать на благоприятный исход, поскольку у него, пишет А.И.Гербстман, "уже имелся значительный опыт прямых и решительных действий, которые он предпринимал, учитывая слабую струнку царя – его пристрастие к рыцарской поэзе"¹⁶. Примем во внимание и отмеченный пик лояльности в отношении поэта к царю. В общем, это мог быть шаг, не без расчета на русский "авось", получить особую царскую привилегию в порядке исключения коснуться запретной темы. Однако прибавим более основательный довод, снимающий с поступка поэта оттенок авантюризма: Пушкин должен был трезво учитывать возможность отказа. Поэтому вероятнее, что он доводил до сведения царя не то, что собирался печатать, а то, от публикации чего добровольно отказывался. Развертывая – хотя бы частично – перед царем программу-максимум, демонстрируя готовность идти на уступки, снимая главу восьмую, отказываясь от главы десятой (скорее демонстративно, чем фактически, поскольку глава вряд ли была написана), поэт тем самым выводил из-под придирчивого и подозрительного контроля главу девятую, а следовательно, сохранял программу-минимум. Игра стоила свеч: девятая глава (ставшая восьмой) декабристскую тему, пусть в ослабленном виде, воплощала.

В смысле отзыва царя сомневаться не приходится: царь и не собирался прощать каторжников, он не мог позволить о них писать. Пушкин предвидел (должен был предвидеть!) возможность

такой ситуации и заблаговременно предпринял встречные шаги.

Поэт не смог реализовать план-максимум и опубликовать "Онегина" ни с непосредственным изображением (в сюжете) ста-на декабристов, ни, по крайней мере, с прямой оценкой движе-ния декабристов (в форме авторских рассуждений—"отступлений"); политический климат явственно обнажил свою суровость. Но Пуш-кин преуспел в своих обходных маневрах и реализовал план-ми-нимум.

Поэт достиг цели своим демаршем с представлением царю условно названной десятой главы: глава восьмая и последняя не вызвала полицейских доносов. А.И.Гербстман обратил внимание на необы-ую для Булгарина похвалу Пушкину в "Северной пче-ле": "Это окончание Онегина примирит всякого с автором". Ис-следователь комментирует эту фразу весьма п-нициательно: "Значит, Булгарину было известно о замысле такго окончания, которое не примирило бы его с автором! Это вполне вероятно: если о декабристском замысле "Онегина" было известно Нико-лаю и Третьему отделению, то и его непрямой сотрудник по литературной части Булгарин также должен был находиться в курсе дела"¹⁷.

Восьмая (в печатном тексте) глава отличается концентриро-ванностью сюжетного действия. З-есь суммарный итог трехлет-него отсутствия героя, встреча его с Татьяной, влюбленность, письмо к героине, затворничество, наконец, финальное объясне-ние. "Зеркало" этих сюжетных событий, те же действия с ини-циативой героини, развернуты на площади двух глав - третьей и четвертой. Такая напряженность повествования притягивает важ-ные политические мотивы, о которых было сказано. Но внешне камерный, интимный характер сюжета главы (в сравнении с иным, хотя бы намеком нам известным содержанием финала) на деле увел ее от официальных нареканий.

Поэт не обманулся и адресуясь к Плетневу с просьбой обой-ти "удельную" цензуру. Плетнев в точности выполнил распоря-жение друга. 5 сентября он информировал Пушкина: "Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не последовало по милости Никиты Ивановича Бу-тырского"¹⁸. К слову сказать, в состав цензурного комитета входили не только штатные цензоры, но и профессора универси-тета, к их числу относился и Н.И.Бутырский. Сведения о нем довольно скупы, но позволяют судить о том, что почтенный про-фессор вряд ли сочувствовал новаторским исканиям Пушкина и

важную услугу ему оказал, может быть, не ради него самого, но, надо полагать, ради личных отношений с Плетниковым. Цензурное разрешение Н.Бутырского было дано 1 сентября 1831 г.¹⁹

Итак, Пушкин летом 1831 г. предпринимает первый шаг к уклонению от царской цензуры. Что касается периодической печати, это делалось и раньше; теперь дело дошло и до отдельных изданий, где типографским способом фиксировалась та или иная виза в печать. Проба сделана на вещи невинной, к тому же подлинный автор скрыл свое имя за инициалами издателя.

По существу еще не зная, будет ли замечено его своеволие, поэт делает следующий шаг – пытается узаконить свое уклонение от жандармской цензуры. В середине октября (незадолго до выхода в свет "Повестей Белкина") Пушкин ультимативно написал Бенкендорфу: "В 1829 году Ваше высокопревосходительство изволили мне сообщить, что государю императору угодно было впредь положиться на меня в издании моих сочинений. Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором, и после того было бы для меня нескромностию вновь подвергать мои сочинения собственному рассмотрению его императорского величества" (X, 299).

В ответе шефа жандармов была важная для Пушкина информация, которой он впоследствии воспользуется: "... Имею честь Вас уведомить, что никакого не может быть препятствия к изданию особою книгою тех стихов Ваших, которые уже были единожды напечатаны"²⁰. На главный же вопрос Бенкендорф отвечал сухо и строго: "... Считаю не излишним заметить Вам, что сколь ни удостоверен государь император в чистоте Ваших намерений и правил, но со всем тем однакоже мне не известно, чтобы его величество разрешил Вам все Ваши сочинения печатать под одною только Вашею ответственностью. Упомянутое в письме Вашем сообщение мое к Вам 1829-го года относилось к одной лишь трагедии Вашей под названием Годунов, а потому Вам надлежит по-прежнему испрашивать всякий раз высочайшее его величества соизволение на напечатание Ваших сочинений и если Вам угодно будет делать сие через посредство мое, то я готов всегда Вам в сем случае содействовать"²¹. Адресуясь к Бенкендорфу с фактическим прошением об отмене личной царской цензуры, Пушкин пытается легализовать уже допущенное своеволие, но еще более зондирует возможность издания "Онегина": только что, 5 октября 1831 г., было написано письмо Онегина к Татьяне, нынешняя заключительная глава обрела закон-

ченный вид. Поэту особенно теперь была нужна хотя бы относительная свобода действий. Но от представителя власти он получил категорический отказ.

Обратим внимание на такую деталь. Письмо Бенкендорфа датировано 19 октября 1831 г. Вполне основательно предположение, что оно и доставлено в тот же день. Тогда резонно предположить дальнейшее, что именно с ним связана пушкинская записка: "19 октября сожжена X песнь"²². Впрочем, по-прежнему трудно сказать, какие бумаги сжег поэт. Может быть, ту рукопись, которую он представлял на досмотр царю. Может, вместе с нею и еще какие-нибудь материалы. Остается неясным, когда была составлена криптограмма так называемой десятой главы; судя по всему вскоре, но позже: А.И.Тургеневу в декабре 1831 г. читались фрагменты главы "Странствие" с включением зашифрованных строк... Пушкинская записка продолжает быть загадочной. Оставим за нею ее символическое значение: она означает отказ от плана-максимума романа, равно как и от варианта "не для печати".

Поэт потерпел поражение, пытаясь условиться с правительством, пытаясь добиться от него уступок. Но тогда он делает воистину героический шаг. Лишенный возможности издать главу "Странствие", Пушкин делает восьмой и последней девятой главу и отдает ее не на царскую цензуру, а в цензурный комитет. Визу на издание 16 ноября 1831 г. вновь дает Н.Бутырский²³. В январе 1832 г. глава увидела свет²⁴.

Подведем итоги. Финал "Евгения Онегина" носит декабристский характер. Пушкин вынужден был ограничить замысел, первоначально включавший непосредственную картину восстания. Этот вариант отклонен именно на стадии замысла. В процессе работы над завершением романа Пушкин создал открыто декабристский финал – уже не в плане включения в сюжет картины восстания, но в плане авторской оценки выдающегося события современной поэту истории: следы этой работы зафиксированы в дошедшей до нас криптограмме. Дальнейшее зависело от обстоятельств и обстановки. Пушкин надеялся на смягчение политического климата, на амнистию каторжникам. Он питал иллюзии в отношении царя – и был трезвым мыслителем, чтобы дать иллюзиям восторжествовать над реальным восприятием людей и фактов. Отсюда колебания в выборе финала. Пушкин предусматривал даже возможность двойной концовки – для печати и не для печати. В этом он, поэт-пророк, даже не ошибся в сути,

хотя и не угадал деталей: обстановка оказалась более суровой, "не для печати" стала предназначавшаяся для печати глава "Странствие". Все-таки это лишь факты творческой истории романа, не больше. Художник сделал выбор, отказался от варианта "не для печати" и оставил законченный текст произведения. Он выполнен не без оглядки на цензуру, но поэт сделал не только все возможное, но даже и невозможное, чтобы игнорировать цензуру, чтобы суметь обойти "удельную" цензуру. Если бы Пушкина не удовлетворял этот вариант, он не спешил бы с публикацией концовки: "Годунова" он предпочел четыре года держать под спудом, ожидая лучших времен, но не стал переделывать текст в неприемлемом для себя духе. Пушкин был слишком большим художником, чтобы руководствоваться посторонними соображениями. Если бы Пушкина не удовлетворял (не вполне бы удовлетворил) итоговый вариант концовки "Онегина", он сумел бы оставить иной, "не для печати", — для опубликования в другие времена. Такая возможность обдумывалась поэтом, но была им отклонена.

В окончательном, печатном тексте, который поэт сумел опубликовать в обход "удельной" цензуры, декабристская тема все-таки сохранена — в принципиально важных звеньях автопортрета и в отдельном прошении с друзьями-декабристами.

Три фрагмента: строфа Ш, полторы строки в строфе 1У, пять строк в заключительной строфе восьмой главы... Совсем немного в сравнении с задуманным и отчасти даже написанным. И все-таки дело в принципе. Отмеченные фрагменты запечатлели три этапа, всю историю отношений Пушкина к декабристам. Без декабристских строк концовка "Онегина" выглядела бы совершенно иначе. Наличие их означает реализацию начального замысла в полном объеме — пусть с неизбежными потерями, пусть не в том виде, чем предполагалось и даже пробовалось. Пушкин сумел провести в печать то, что объективно было не для печати. Опубликование в подцензурной печати (под пристальным контролем Ш отделения) декабристских строк — гражданский подвиг поэта.

Декабристская тема восьмой главы — очень скромный внешне памятник пострадавшим друзьям-единомышленникам. Но тем весомее этот скромный памятник, что выстроен он демонстративно перед самыми окнами их венценосного палача.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 И.М.Дьяконов настойчиво утверждает, что предварительный план "Евгения Онегина" существовал и лишь по случайным обстоятельствам не сохранился. Однако попытка исследователя реконструировать этот план по черновым рукописям не дает практически ценных результатов. Зато признаваемая исследователем импровизационность многих принципиально важных поворотов сюжета скорее свидетельствует об отсутствии предварительного плана, чем о его наличии (см.: Дьяконов И.М. Об истории замысла "Евгения Онегина" // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. (Ср.: Фомичев С.А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 155).
- 2 А.С.Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 450.
- 3 О Пушкине - историке 14 декабря см.: Невелев Г.А. "Истина сильнее царя": (А.С.Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985.
- 4 См.: Снявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати: 1814-1837. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 52.
- 5 См.: Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957; Бонди С.М. Работа Пушкина над "Евгением Онегиным" и изменения в плане романа // Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1973.
- 6 Дела Ш Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб, 1906. С. 295.
- 7 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977, т. III. С. 175 (далее ссылки даны в тексте по этому изданию с указанием тома и страниц; ссылки на Большое Академическое издание в 16 т. (1937-1949) даются в примечаниях).
- 8 Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина "Евгений Онегин"; Комментарий. Л., 1980. С. 374.
- 9 См.: Дьяконов И. О восьмой, девятой и десятой главах "Евгения Онегина" // Русская литература. 1963. № 3.
- 10 См.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
- 11 Подробнее об этом см.: Никишов Ю.М. Пушкин как герой своего стихотворного романа // Вопросы биографии и творчества А.С.Пушкина. Калинин, 1979.

- 12 См.: Гербстман А.И. Судьба десятой главы "Евгения Онегина" // Учен. зап. / Казахск. гос. ун-т. Алма-Ата, 1957. Т. XXV. С. 115; Гроссман Л. Пушкин. М., 1958. С. 375; Лотман Ю.М. Указ, соч. С. 372-373. Особо следует выделить новейшую работу: Ветловская В.Е. "Иных уж нет, а те далече" // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII; здесь по-новому расшифрован источник строки, что углубляет ее декабристское содержание.
- 13 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. XIII. С. 313.
- 14 Там же. Т. XIV. С. 142.
- 15 Там же. С. 408-409.
- 16 Гербстман А.И. Указ. соч. С. 116.
- 17 Там же. С. 121.
- 18 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. XIV. С. 221.
- 19 Снявский Н., Цявловский М. Указ. соч. С. 92.
- 20 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. XIV. С. 234.
- 21 Там же. С. 234-235.
- 22 Большинство пушкиноведов относит эту запись к 1830 г. Мнение о том, что запись относится к 1831 г., высказывал А.И.Гербстман (см.: Заметки о "Евгении Онегине" // Уч. зап. / Казахск. гос. ун-т. Алма-Ата, 1958), но гипотеза оказалась самоцельной, без концептуальных выводов.
- 23 Снявский Н., Цявловский М. Указ. соч. С. 97.
- 24 Драматическая борьба поэта против царской опеки отнюдь не кончилась изданием "Онегина". А чтобы по достоинству оценить беспримерное мужество поэта, отметим, что даже в 1854 г. в связи с подготовкой анненковского издания собрания сочинений Пушкина возникла переписка между министерством просвещения и III отделением императорской канцелярии, где было подчеркнуто, что "Высочайшее повеление 1826 г., о рассмотрении сочинений" поэта "Самим Государем Императором, не было отменяемо"; переписка закончилась высочайшей собственноручной резолюцией: "Согласен, но в точности исполнить, не позволяя отнюдь неуместных замечаний или прибавок редактора" (см.: Дела III Отделения... С. 230, 241). Какой же силой воли и духа нужно было обладать поэту, чтобы пренебречь "неотменяемым" царским распоряжением!

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калининский государственный университет

А.С.ПУШКИН. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Межвузовский тематический
сборник научных трудов

Калинин 1987